

Библиографические ссылки

1. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. М. : Мысль, 1974. Т. 1 : Наука логики.
2. Гришанин, П.Ф. Методологические основы исследования эффективности уголовно-правовых норм : лекция / П.Ф. Гришанин. М. : Акад. МВД СССР, 1976.
3. Ковалев, М.И. К вопросу об эффективности уголовного законодательства / М.И. Ковалев // Межвуз. сб. науч. тр. / Свердлов. юрид. ин-т ; редкол.: М.И. Ковалев [и др.]. Свердловск, 1975. Вып. 37 : Проблемы эффективности уголовного закона.
4. Кудрявцев, В.Н. Понятие и классификация условий эффективного действия правовых норм. Эффективность правовых норм / В.Н. Кудрявцев [и др.]. М. : Юрид. лит., 1980.
5. Кузнецова, Н.Ф. Эффективность уголовного закона и ее значение в борьбе с преступностью / Н.Ф. Кузнецова // Вест. Моск. ун-та. Сер. Право. 1974. № 4.
6. Кульчар, К. Основы социологии права / К. Кульчар ; под ред. В.П. Казимирчука (общ. ред. и предисл.) [и др.] ; пер. с венг. В. Гусева. М. : Прогресс, 1981.
7. Лапаева, В.В. Социология права / В.В. Лапаева ; под ред. В.С. Нерсесянца. М. : Норма, 2000.
8. Марочкин, С.Ю. Проблема эффективности норм международного права / С.Ю. Марочкин. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1988.
9. Мингазов, Л.Х. Эффективность норм международного права / Л.Х. Мингазов. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1990.
10. Мингазов, Л.Х. Эффективность норм международного права. Теоретические проблемы / Л.Х. Мингазов. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1999.
11. Никитинский, В.И. Эффективность норм трудового права / В.И. Никитинский. М. : Юрид. лит., 1971.
12. Ожегов, С.И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1988.
13. Толстопятенко, Г.П. Европейское налоговое право. Сравнительно-правовое исследование / Г.П. Толстопятенко. М. : Норма, 2001.
14. Фаткуллин, Ф.Н. Социальная ценность и эффективность правовой нормы / Ф.Н. Фаткуллин, Л.Д. Чулюкин. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1977.
15. Федосова, В.А. Эффективность действия норм советского государственного права / В.А. Федосова. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984.
16. Чулюкин, Л.Д. Эффективность уголовно-процессуальных норм и методика ее изучения : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л.Д. Чулюкин; Казан. гос. ун-т. М., 1977.
17. Шумихин, В.Г. Достаточная доказуемость уголовно-правовой нормы как одно из условий ее эффективности // Вопросы совершенствования уголовно-правовых норм на современном этапе : межвуз. сб. науч. тр. / Свердлов. юрид. ин-т ; редкол.: М.И. Ковалев (отв. ред.) [и др.]. Свердловск, 1986.
18. Яковлев, А.М. Социальная эффективность уголовного закона / А.М. Яковлев // Совет. государство и право. 1967. № 10.

Р.А. Серeda, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

ПОТЕРПЕВШИЙ КАК ОДИН ИЗ СУБЪЕКТОВ СОСТАВА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ

Рассматриваются вопросы совершенствования института применения освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, в частности возможности расширения круга лиц, имеющих право выступать в качестве потерпевших при применении ст. 89 УК. Анализируются проблемы участия в примирении законных представителей потерпевших, а также представителей юридических лиц, затрагивается возможность применения освобождения при угрозе причинения вреда. Автор предлагает закрепить в УК понятие пострадавшего от преступления и формулирует собственный вариант данного определения.

В ходе изучения института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим мы столкнулись с тем, что большинство ученых подходят к этому с точки зрения простого анализа отдельных оснований и условий конкретного вида освобождения. Однако более комплексным представляется подход авторов, изучающих данный институт с точки зрения состава освобождения от уголовной ответственности [3; 5; 7; 8]. Данный способ предполагает выделение элементов такого состава по аналогии с общепринятым составом преступления.

В частности, выделяют объект такого состава, которым являются общественные отношения, извлекающие пользу в результате положительного посткриминального поведения. К объективной стороне указанные авторы относят сам факт примирения и те действия обвиняемого, которые к нему привели. Также можно вести речь о субъектах такого состава – лицах, от чьих действий и волеизъявления зависит возможность освобождения от ответственности. Кроме того, имеется и внутреннее, психическое отношение субъектов к своим действиям, мотивы и цели такого их поведения, которые объединяются в субъективную сторону состава освобождения от уголовной ответственности. В дан-

ной статье мы попытаемся раскрыть имеющиеся проблемы участия лиц, пострадавших от преступления в качестве субъектов уголовно-правового примирения.

Очевидно, что потерпевший является одной из ключевых фигур рассматриваемого вида освобождения от уголовной ответственности, поскольку его волеизъявление в данном случае имеет принципиальное значение. Потерпевший должен засвидетельствовать факт примирения с обвиняемым, что является необходимым условием такого освобождения. В связи с этим возникает вопрос: какими признаками должно обладать это лицо, чтобы его примирение с обвиняемым имело юридическое значение?

Согласно ст. 89 УК лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или впервые совершившее менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с *потерпевшим* (выделено нами. – *Р.С.*) и загладило причиненный преступлением вред. Таким образом, законодатель прямо указывает на статус лица как потерпевшего. На сегодняшний день данное понятие носит исключительно процессуальный характер, так как Уголовный кодекс не содержит материального понятия потерпевшего. В ст. 49 УПК закреплено, что потерпевшим признается физическое лицо, которому предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием причинен физический, имущественный или моральный вред и в отношении которого орган, ведущий уголовный процесс, вынес постановление (определение) о признании его потерпевшим.

Таким образом, мы можем говорить о трех признаках потерпевшего как субъекта примирения:

- 1) субъективный – физическое лицо;
- 2) объективный – причинение деянием физического, имущественного или морального вреда;
- 3) процессуальный – вынесение постановления о признании потерпевшим.

Характеризуя субъективный признак потерпевшего, следует отметить, что субъектом примирения в данном случае может быть любое физическое лицо, обладающее право- и дееспособностью. И если правоспособностью обладают все физические лица от рождения до смерти вне зависимости от субъективных признаков (ст. 16 ГК), то дееспособность связана с определенными характеристиками лица. Согласно ст. 20 ГК дееспособность в полном объеме возникает по достижении 18-летнего возраста. Кроме того, исходя из ст. 29 ГК лицо может быть признано недееспособным при наличии невменяемости. Таким образом, несовершеннолетние и невменяемые могут быть признаны потерпевшими, но не могут в полном объеме выступать в качестве субъектов примирения по ст. 89 УК. Согласно ст. 56 УПК защитой интересов таких лиц при производстве по уголовному делу занимаются законные представители. Но могут ли они быть субъектами примирения?

Буквальное толкование ст. 89 УК дает отрицательный ответ на данный вопрос, поскольку примирение допускается только с потерпевшим, но не с его представителем, несмотря на то что УПК в ст. 26 допускает примирение по делам частного обвинения с законным представителем потерпевшего. Насколько целесообразно такое ограничение в материальном праве? Различные ученые отвечают на данный вопрос по-разному. Так, А.В. Ендольцева отмечает, что «законный представитель малолетнего либо невменяемого потерпевшего не может осуществлять его материальные права, а следовательно, быть субъектом примирения» [4, с. 104].

Иной позиции придерживается В.В. Ценева. Так, она отмечает: «Законный представитель действует в интересах представляемого им лица. Если виновный желает примириться и загладил причиненный потерпевшему вред, то вряд ли можно сомневаться в том, что соглашение о примирении нанесет вред интересам несовершеннолетнего или недееспособного потерпевшего» [12, с. 139].

Считаем, что необходимо поддержать вторую точку зрения. Ведь если законодатель наделил законного представителя потерпевшего правом отозвать жалобу на совершение в отношении представляемого им лица предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния, а также правом примириться по делам частного обвинения с обвиняемым (п. 3, 4 ч. 2 ст. 57 УПК), то представляется нелогичным ограничивать их в праве на заключение примирения в порядке ст. 89 УК. Однако представляется, что в подобных случаях правоприменителю необходимо более тщательно подходить к оценке такого примирения и, по возможности, выяснить отношение к примирению самого потерпевшего. Таким образом, считаем возможным расширить круг субъектов уголовно-правового примирения и включить в него законных представителей потерпевших.

Помимо этого возникает вопрос, каким образом разрешать возможные разногласия между самим потерпевшим и его законным представителем по вопросам примирения? Если недееспособное лицо является невменяемым, то его мнение может быть подвергнуто критике, так как оно не может понимать значения своих действий или руководить ими вследствие психической болезни. Но как быть, если потерпевшим выступает несовершеннолетний 16–17 лет? Ведь его мнение уже вполне осознанно и, как представляется, он уже может отстаивать свои интересы при заключении примирения с обви-

няемым. К тому же законодатель допускает привлечение лиц к уголовной ответственности с 16, а по некоторым преступлениям – и с 14 лет. Так с чем в таком случае связано ограничение на самостоятельную защиту прав и интересов этих лиц в качестве потерпевших? Следует учесть, что ч. 2 ст. 13 закона Республики Беларусь «О правах ребенка» закрепляет, что ребенок в возрасте 14 лет и старше имеет право на получение юридической помощи для осуществления и защиты своих прав и свобод без согласия родителей (попечителей) [6].

В связи с этим считаем целесообразным предусмотреть возможность самостоятельно выступать в качестве субъектов примирения для потерпевших в возрасте 16 лет и старше. Для потерпевших в возрасте до 16 лет целесообразно участие законного представителя в качестве субъекта примирения, однако представляется, что суд должен выслушать также и мнение самого несовершеннолетнего потерпевшего и, в случае разногласий, иметь возможность принять сторону последнего в решении вопроса о прекращении дела за примирением. Данной точки зрения также придерживается Е.В. Давыдова [1, с. 22]. Однако в таких случаях суд должен тщательно подходить к изучению вопроса о добровольности принятого несовершеннолетним решения.

Также, на наш взгляд, важным является вопрос о возможности заключения юридически значимого примирения в случае, если ущерб причинен юридическому лицу. Из буквального толкования понятия потерпевшего по УПК применительно к ст. 89 УК можно сделать вывод о невозможности такого примирения, поскольку представители юридических лиц в случае причинения последним ущерба не признаются потерпевшими. УПК предусматривает для них лишь статус гражданских истцов. Хотя ст. 26 УПК предусматривает примирение по делам частного обвинения и с представителями юридического лица. Налицо несоответствие материального и процессуального права. Зачем искусственно ограничивать тех, кто совершил преступления в отношении юридических лиц, в возможности возместить им ущерб и освободиться от ответственности? Ведь от такого способа разрешения уголовного конфликта выигрывают обе стороны.

Согласно ст. 13 Конституции Республики Беларусь государство гарантирует равные права и равную защиту всех форм собственности. Однако в ракурсе рассматриваемой проблемы собственность физических лиц представляется более защищенной. Очевидно, что обвиняемый при наличии возможности освободиться от ответственности за совершенное преступление будет стремиться к возмещению причиненного вреда и примирению с потерпевшим. В случае же причинения вреда юридическому лицу обвиняемый лишен такой возможности и, как результат, уменьшается вероятность возмещения причиненного вреда и восстановления нарушенных прав. Сложившаяся ситуация представляется не вполне справедливой и нуждается в корректировке.

Как отмечают К.Д. Сманов и М.С. Строгович, юридических лиц следует признавать потерпевшими от преступления по тем основаниям, что им может быть причинен моральный вред [9, с. 33; 10]. Однако не одним моральным вредом ограничивается ущерб, причиненный юридическим лицам. В первую очередь речь нужно вести о материальном ущербе, причиняемом различными видами хищений, что стало актуально с расширением категорий преступлений, допускающих освобождение за примирением. Также можно говорить и о причинении вреда деловой репутации такого юридического лица, который также нуждается в возмещении.

Конечно, юридическое лицо как таковое не может выступать в качестве субъекта примирения, поскольку оно не персонифицировано, а представляет собой некий коллектив. Но у каждого юридического лица есть глава, руководитель, иные должностные лица, которые в полной мере могут представлять и защищать интересы своей организации. По нашему мнению, такой представитель вполне может быть признан потерпевшим по уголовному делу и выступать в качестве субъекта примирения при применении ст. 89 УК.

Сходной позиции также придерживаются В.В. Ценева [12, с. 137–138] и Е.В. Давыдова [1, с. 27–28]. Кроме того, анализ архивных уголовных дел, прекращенных в порядке ст. 89 УК за примирением с потерпевшим показал, что в 1,1 % случаев ущерб был причинен юридическому лицу, однако уголовные дела были прекращены в порядке ст. 89 УК. Представляется, что ситуация усугубится с внесенными в ст. 89 УК изменениями и расширением круга составов преступлений, допускающих примирение до менее тяжких. Следует отметить, что по пути признания юридического лица в качестве потерпевшего пошел и российский законодатель.

Исходя из изложенного, представляется целесообразным закрепить возможность признания представителя юридического лица в качестве потерпевшего и способность его выступать в качестве субъекта при заключении юридически значимого примирения в порядке ст. 89 УК.

Вторым признаком потерпевшего как субъекта примирения является причинение ему физического, материального либо морального вреда. Как отмечает П. Яни, «...особым процессуальным стату-

сом потерпевшего должны обладать лица, являющиеся потерпевшими в материальном смысле, то есть те, кому причинен вред преступным деянием...» [13, с. 40].

Представляется, что данный аспект также недостаточно регламентирован в законодательстве, в частности, возникает вопрос, возможно ли признание потерпевшим и, соответственно, достижение примирения с ним, когда реальный вред причинен не был, а создалась лишь угроза причинения такого вреда. В качестве примеров можно привести случаи покушения на кражу (ч. 1 ст. 205 УК) либо грабеж (ч. 1 ст. 206 УК), поставление в опасность заражения венерической болезнью либо ВИЧ (ч. 1 ст. 158; ч. 1 ст. 157 УК). В данных случаях никакого вреда лицу не причиняется, создается лишь потенциальная возможность причинения вреда, однако виновный подлежит ответственности уже за само создание такой возможности. Должен ли виновный в таких случаях иметь возможность получить прощение от потерпевшего, примириться с ним и, по возможности, избежать ответственности? Представляется, что должен, в связи с чем требуется внести коррективы в определение понятия потерпевшего как субъекта. С данной позицией также согласна А.В. Ендольцева [4, с. 101–102].

Процессуальный признак потерпевшего как субъекта примирения состоит в том, что согласно ч. 1 ст. 49 УПК для признания лица потерпевшим лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и судья выносят постановление, а суд – определение, то есть лицо, которому преступлением причинен вред, может участвовать в деле в качестве потерпевшего, пользоваться соответствующими процессуальными правами и нести определенные обязанности только после того, как лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или судьей вынесено постановление, а судом – определение о признании его потерпевшим.

Из этого положения следует, что, если соответствующее должностное лицо или суд не исполняют свои обязанности надлежащим образом, то лицо, действительно потерпевшее от преступления, не сможет осуществлять свои права, направленные на защиту собственных интересов, в том числе и право на заключение юридически значимого примирения.

Также хотелось бы остановиться на самом названии данного лица. В настоящее время термин «потерпевший» почти не используется ни в зарубежном законодательстве, ни в международно-правовых актах. Чаще всего употребляются такие термины, как «жертва преступления» либо «пострадавший от преступления» [2]. Именно термин «пострадавший от преступления» используется в ст. 26 УПК, закрепляющей порядок примирения по делам частного обвинения. Представляется, что последнее определение наиболее применимо и к субъекту уголовно-правового примирения. По нашему мнению, в результате совершения преступления лицо не столько «терпит», сколько «страдает» от причиненного ему физического, материального либо морального вреда. С такой точкой зрения также согласны А.В. Ценева [12, с. 134], А.В. Сумачев [11, с. 26], П. Яни [13, с. 41].

Представляется, что в уголовном законе необходимо закрепить собственное определение лица, пострадавшего от преступления, отличное от определения потерпевшего, сформулированного в УПК, и в дальнейшем опираться на него при толковании соответствующих норм УК, в том числе и ст. 89 УК. В частности, А.В. Сумачев предлагает следующее определение пострадавшего лица: «Пострадавшим в уголовном праве является лицо, которому посредством нарушения его охраняемых уголовным законом прав непосредственно причинены моральный, физический, имущественный вред, эмоциональные страдания или имело место существенное ущемление основных прав и свобод такого лица в результате вредопричиняющего деяния, предусмотренного уголовным законом, либо создана реальная возможность причинения указанного вреда в результате покушения (приготовления) на преступление» [11, с. 15]. По нашему мнению, данное определение отражает наиболее характерные черты рассматриваемого субъекта и может быть принято за основу.

Таким образом, подводя итог рассмотрения признаков потерпевшего как субъекта примирения в уголовном праве, считаем целесообразным закрепить в УК уголовно-правовое понятие пострадавшего от преступления как субъекта примирения, отличное от уголовно-процессуального понятия потерпевшего. Исходя из рассмотренных нами аспектов, сформулировать такое определение можно следующим образом: *пострадавшим от преступления признается физическое дееспособное лицо, достигшее 16-летнего возраста, законный представитель лица, не достигшего 16-летнего возраста, либо недееспособного лица, которому преступлением причинен либо создана угроза причинения физического, имущественного либо морального вреда, а также представитель юридического лица, в случае причинения или возможности причинения преступлением вреда его имуществу или деловой репутации.*

Представляется, что закрепление в УК такой дефиниции позволит более точно регламентировать применение ряда норм уголовного закона, в том числе и ст. 89 УК.

Библиографические ссылки

1. Давыдова, Е.В. Примирением с потерпевшим в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.В. Давыдова. Ставрополь, 2001.
2. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью, ГА ООН 29 нояб. 1995 г. // Международные акты о правах человека : сб. док. М. : НОРМА-ИНФРА, 1999.
3. Дубинин, Т.Т. Состав освобождения от уголовной ответственности / Т.Т. Дубинин // Совет. государство и право. 1984. № 1.
4. Ендольцева, А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения : монография / А.В. Ендольцева. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004.
5. Звечаровский, И.Э. Посткриминальное поведение: понятие, ответственность, стимулирование / И.Э. Звечаровский. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1993.
6. О правах ребенка : закон Респ. Беларусь, 19 нояб. 1993 г., № 2570-ХП : в ред. закона Респ. Беларусь от 10.11.2008 // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2009.
7. Сабитов, Р.А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия) / Р.А. Сабитов. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1995.
8. Савкин, А.В. Деятельное раскаяние – свобода от ответственности / А.В. Савкин // Рос. юстиция. 1997. № 12.
9. Сманов, К.Д. Процессуальное положение подозреваемого, потерпевшего и обвиняемого в советском уголовном процессе : учеб. пособие / К.Д. Сманов. Фрунзе, 1971.
10. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М.С. Строгович. М. : Наука, 1968. Т. 1 : Основные положения науки советского уголовного процесса.
11. Сумачев, А.В. Пострадавший как субъект уголовного правоотношения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Сумачев ; Рязан. ин-т права и экономики. М., 2005.
12. Ценева, В.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.В. Ценева. Кемерово, 2002.
13. Яни, П. Законодательное определение потерпевшего от преступления / П. Яни // Рос. юстиция. 1995. № 4.

А.С. Скобля, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРЕВЕНТИВНОГО (АДМИНИСТРАТИВНОГО) НАДЗОРА В БЕЛОРУССКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Рассматривается история развития мер надзора за осужденными, освобожденными после отбытия наказания. Анализируются нормативные акты XVI–XIX вв., нормы, действовавшие в период существования СССР, и законодательные акты Республики Беларусь.

В деятельности ОВД важное значение для обеспечения законности и правопорядка имеет предупреждение рецидивной преступности. В настоящее время в уголовном законодательстве Республики Беларусь существует институт превентивного надзора, предусматривающий установление судом ряда правоограничений, которые накладываются на определенную категорию лиц, освобожденных после отбытия наказания. В очерченный круг лиц законодатель включил тех, кто по данным криминологических исследований наиболее вероятно совершит новое преступление сразу после отбытия наказания. Кроме установления определенных ограничений законодатель также вводит ответственность за их нарушение. Однако институт превентивного надзора и перечень налагаемых ограничений – не новшество белорусского законодательства, ведь до принятия действующего Уголовного кодекса существовали нормы, регулировавшие указанные правоотношения. Проведем ретроспективный анализ схожих норм, предусматривающих определенный контроль за лицами, отбывшими наказание, действовавших на территории Беларуси, для чего необходимо выделить нормативный акт, который по сути был первым, регулировавшим уголовные и уголовно-процессуальные правоотношения. Указанным актом является Судебник, изданный 29 февраля 1468 г. Великим князем Литовским Андреем Каземировичем Ягайловичем. Анализируя содержание Судебника, следует отметить, что он не содержал непосредственных норм, регламентирующих какие-либо виды надзора за лицами, совершившими преступление и понесшими наказание. Но значимость Судебника сложно недооценивать в связи с тем, что с момента его появления в истории права Беларуси начался этап, венцом которого стало создание трех статутов Великого княжества Литовского.